

перевод ИРИНЫ МЕНЬШАКОВОЙ

ЙЕН МУР

«Динамичная, остроумная история для тех,
кто любит сухой британский юмор».

Library Journal

СМЕРТЬ И Круассань

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

детектив

МИСО

Йен Мур
Смерть и круассаны
Серия «Клуб убийств»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69963109

Смерть и круассаны / Йен Мур: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2023

ISBN 9785002140299

Аннотация

Ричард Эйнсворт – хозяин небольшой гостиницы, некогда перебравшийся во Францию из Англии. Он немного стесняется своего французского (почти идеального, но вы же знаете этих французов), приходит в уныние от вида мюсли и обожает, когда с ним ничего не происходит.

Однажды из его отеля пропадает гость, оставив кровавый след на обоях и разбитые очки в мусорном ведре. Когда стена отмыта, Ричард мечтает об одном: поскорее забыть о странном инциденте. Но тут, на его беду, новая симпатичная постоялица Валери д’Орсе вдруг проявляет жгучий интерес к таинственному исчезновению.

Вопреки самому себе Ричард оказывается втянутым в самое настоящее расследование, и оно переходит в разряд личного дела, когда кто-то убивает Аву Гарднер – одну из его любимых куриц... а такое Ричард простить не готов!

Для кого эта книга

Для читателей остроумных и созы детективов с обаятельными героями и загадочными расследованиями.

Для тех, кто хочет отвлечься и на время стать сыщиком.

Для поклонников серии «Клуб убийств по четвергам».

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Иен Мур

Смерть и круассаны

Original title:

DEATH & CROISSANTS

by Ian Moore

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

DEATH & CROISSANTS:

Copyright © 2021 Ian Moore

This edition is published by arrangement with Greyhound Literary Agents and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Глава первая

Есть ли в мире что-то более безрадостное, чем мюсли?

И дело вовсе не в том, что Ричард Эйнсворт страдал от плохого настроения, просто утро всегда было для него сложным временем. Хотя слово «тяжелое» здесь больше подошло бы. Утро было тяжелым временем, которое нужно было как-то вытерпеть, в ожидании прихода чуть менее тяжелых дня и вечера. Утро походило на полную холодной мутноватой жижи зону для мытья ног, которую ты вынужден пройти, прежде чем окажешься в относительно теплой и чистой воде общественного бассейна. Он смиренно вздохнул. Для него вовсе не было тайной, что у многих людей те же проблемы с утром, но эти многие не держали гостиницу с завтраками. К тому же в таком месте, как одна из пасторальных долин Луары, где все мало-мальски важное происходит *исключительно* по утрам.

Завтрак и в самые лучшие дни не был простым делом; обычно Ричард изо всех сил старался удержаться на тонкой грани между обязанностью как хозяина удовлетворить нужды постояльцев и желанием дать тем возможность насладиться, если это слово здесь уместно, своей утренней трапезой в полном покое. Тут весь фокус состоял в том, чтобы принять вид доступный, но незаинтересованный, внимательный, но отстраненный, чтобы тебя нельзя было винить в рав-

нодушии к нуждам постояльцев, с одной стороны, но – с другой – они бы не торопились обращаться к тебе с просьбами. Во всем этом намного меньше от ненавязчивого сервиса, нежели от защитного механизма, и, как правило, он просто избегал зрительного контакта и старался незаметно слиться с обстановкой.

На самом деле он ни разу не пробовал мюсли. Они всегда напоминали ему о бабушкином попугайчике Винсе, названном в честь певца Винса Хилла, которого бабуля обожала, несмотря на то что кроме нее о нем никто и не слышал, вероятно, даже миссис Хилл. Винс – попугай, не певец – обитал в маленькой клетке, нависающей над правой частью битого жизнью коричневого велюрового дивана – в семидесятые все было коричневым – с прекрасным видом на телевизор. Бабуля неизменно занимала левую часть дивана, и громадная ротмановская сигарета с пугающе длинным столбиком пепла в ее костлявых, похожих на палочки пальцах то и дело сновала от узких, покрашенных ярко-розовой помадой губ к мощной стеклянной пепельнице. Но речь, вообще-то, о дне клетки Винса, усыпанном погрызенными семечками, отвергнутыми зернышками и пшеном. Вот что напоминали ему мюсли – отвергнутый попугаем корм.

Это воспоминание, будучи одновременно тонким уколом в адрес современного мира – никогда не наскучивающее занятие, – немного приободрило его. Мысль о том, что типичный, помешанный на успехе и здоровом образе жизни пред-

ставитель двадцать первого века начинает свой день не с так называемой суперъеды, а с отходов из птичьей клетки семидесятых годов, вполне вероятно, обладала потенциалом помочь ему продержаться весь завтрак. Видит бог, он в этом очень нуждался. Часы показывали всего лишь 8:45, а силы его были на исходе. На самом деле в голову пришла мысль, снова погружая в теплые воспоминания детства, он ощущал некоторую схожесть с тем самым бабулиным диваном. Старый, выдавший виды, изрядно пообтершийся, испытывший вкупе с легким похмельем кое-что из того, что, по его мнению, не многим диванам доводилось.

Нынче утром он явно перестарался в стремлении слиться с обстановкой, и вместо эффекта отстраненности его весьма продолжительное разглядывание банки с мюсли привело к нервному – из разряда: а все ли с ним в порядке? – вниманию со стороны итальянцев-молодоженов в углу. По крайней мере, он полагал, что это молодожены. На его желчный взгляд, их постоянная потребность прилюдно выражать свои пылкие чувства указывала на то, что эти отношения на данный момент продолжались весьма недолго. Они всё еще находились в волнующей, полной взаимного интереса и влечения стадии любви. Новизна чувств еще не испарилась. Что ж, тем лучше для них, признал он – почему бы и нет? – и решил изобразить страшную занятость, отойдя от банки с мюсли к старомодной съемочной камере, служившей лампой у подножия лестницы. Она была одной из декоративных отсылок

к его прошлому в качестве киноисторика наряду с настенными часами в виде сигнальной хлопушки. Он шел так, словно его ждало неотложное дело, что в каком-то смысле так и было: Ричард Эйнсворт любил, чтобы все было на своих местах, и камера, пусть даже с выключенной лампой, должна была смотреть на лестницу, словно в ожидании эффектного появления кинодивы.

– Мсье!

Это подал голос молодой муж, поднявший руку в жесте, знакомом любому ребенку в школе и любому взрослому в ресторанах по всему миру.

– Мсье, не могли бы вы подогреть мне молоко, пожалуйста? ста?

Французский у него был так себе, отчего Ричард ощутил небольшой всплеск уверенности. Сам он по-французски говорил весьма неплохо, пусть и недостаточно свободно, что означало жизнь в постоянном страхе достигнуть языкового предела и оказаться раскрытым, как Гордон Джексон в *«Большом побеге»*¹, попавшийся на приманку «удачи». Страх этот был непроходящим.

– Конечно, синьор Риззоли... – Он взял чашку синьора Риззоли. – А синьоре?

¹ «Большой побег» – американский фильм 1963 года о побеге союзнических военнопленных из немецкого лагеря во время Второй мировой войны. Капитан авиации ВВС Великобритании Сэнди «Мак» Макдональд (Гордон Джексон) убегает, но его ловят после того, как во время посадки на автобус Макдональд отвечает на английское пожелание удачи агента гестапо).

– *Si, э-э-э, s'il vous plait*, – мгновенно исправилась она и адресовала милую улыбку сначала Ричарду, а затем сразу же мужу, находя рукой его руку на маленьком угловом столике. «*Молодожены слишком уж стараются*», – подумал Ричард.

– Что-нибудь запланировали на сегодня? – громко и четко спросил он, отходя. Синьор Риззоли в явном затруднении промямлил что-то в ответ, но, прежде чем Ричард успел любезно повторить вопрос по-английски, его идеальный перевод донесся с лестницы.

– *Hai qualche piano per oggi?*

Риззоли застыли, в потрясенном молчании наблюдая, как Валери д'Орсе элегантно плывет вниз по лестнице. Ее осанка была безупречной, так же как и висящая на сгибе локтя сумочка от «Луи Виттон», откуда выглядывала крошечная ухоженная чихуахуа. Валери д'Орсе воцарилась в зале, как Клеопатра – в Египте; достигнув подножия лестницы, она пренебрежительным жестом отвела объектив камеры в сторону, словно избавляясь от назойливого папарацци. «*Какой выход*», – подумал Ричард, до этого видевший ее только мельком, поздним вечером, когда она въезжала. Прибыла Норма Десмонд, и на этот раз обмельчали именно фильмы².

В летнем костюме цвета сливок, с огромными солнце-

² Героиня фильма «Бульвар Сансет», забытая звезда немого кино. Здесь отсылка к ставшему классическим диалогу: «Вы были такой великой...» – «Я и осталась великой, это фильмы обмельчали».

защитными очками, поднятыми на лоб, она одарила зал неопределенно-вежливым *bonjour*, прежде чем разместить свою собачку на кресле и, успокоив ту несколькими ласковыми словами, устроиться напротив. И снова в памяти Ричарда всплыли бабушка и ее Винс, хотя вся эта картина была из совершенно другой жизни, нежели «*Пebbл Милл в час пополу-дни*»³, сигареты «ротман» и диваны, знававшие лучшие времена. Собака перевела взгляд с хозяйки на Ричарда, который стоял столбом, слегка ошеломленный грандиозным появлением, а затем на чету Риззоли, не донесшую до ртов ложек с хлопьями. Из-за стола выглядывала лишь голова псины, чей украшенный камнями ошейник, словно диско-шар, пускал по потолку цветные блики. Казалось, она чего-то ждет; как, впрочем, и все остальные.

– С вами все в порядке, мсье?

Как и большинство француженок средних лет или, вероятнее, любых женщин средних лет, а возможно, просто всех француженок, Валери д’Орсе интересовалась здоровьем человека тоном, в котором участие мешалось с долей пренебрежения, как у полицейского при допросе слабоумного свидетеля. Она смотрела прямо на него тяжелым, пронизывающим взглядом, наверняка повергнувшим к ее ногам немало мужчин.

³ *Pebble Mill at One* – британский телевизионный журнал, транслировавшийся в прямом эфире из фойе бирмингемской студии «Би-би-си» под названием «Пebbл Милл».

Прибыв вчера поздним вечером, она сыпала сожалениями из-за того, что заставила его ждать, и жалобами на пробки при выезде из Парижа. Было темно, и он к тому времени успел слегка выпить, поэтому просто показал ей номер и ушел. И даже не заметил, что она с собакой, что, по правде сказать, являлось нарушением правил гостиницы. Пусть даже псинка оказалась не больше Винса-попугайчика, но правила есть правила, а правило «без животных» четко прописывалось на всех веб-сайтах. Тут требуется деликатный подход, решил он, поглядывая на постоялицу, пока подогревал молоко для четы Риззоли.

Она олицетворяла собой классическую элегантность в типично французском стиле: волосы, подстриженные в короткий боб, выкрашены в темно-каштановый, под цвет глаз, теплых и в то же время отстраненных, пронизывающих острым взглядом. В уголках ее глаз скопились морщинки, указывающие на готовность посмеяться и веселый нрав, но темный омут радужки не располагал к глупостям. Они мало что пропускали, предположил Ричард, ощутив некую неловкость. Он не считал себя тщеславным; его радовало то, что он выглядит на свои годы и, как он убеждал себя, вполне неплохо смотрится среди мужчин одного с ним возраста. В волосах вполне уместно проглядывала седина, пусть даже виски чуть поредели, словно отлив открыл побережье. Едва наметившееся брюшко можно было легко, по крайней мере пока, убрать, втянув в себя воздух и выпрямившись.

Да, есть и похуже него, причем немало, заключил он так, словно оценивал самого себя перед продажей. Что, впрочем, ему, весьма вероятно, и предстояло скоро сделать. Возможно. В данный момент собственный семейный статус казался ему довольно неясным. На прошлой неделе дочь сказала ему, что «в терминах социальных сетей, пап, у вас с мамой все сложно», так, будто это было вполне удовлетворительным объяснением, а не замаскированной дверцей в ловушку неопределенности. Как бы то ни было, в глубине души он смирился с мыслью о возвращении в стан холостяков в обозримом будущем и, случись так на самом деле, в свои пятьдесят три был к этому готов. Пусть он уже и не мог похвастаться внешностью главного героя, но вот на персонажа с приятным характером вполне тянул.

– Мадам д’Орсе, – произнес он с самым французским своим акцентом, выпрямившись во весь рост и слегка втянув живот, – боюсь, нам необходимо поговорить о вашей собаке.

– Паспарту?

– Да, м-м-м, Паспарту.

Паспарту, надо отдать ему должное, одарил Ричарда взглядом из разряда «зря тратишь время, приятель».

– О, не беспокойтесь о Паспарту. – Она грациозно махнула рукой. – Достаточно миски воды.

Ее ответ прозвучал на английском с долей пренебрежения, напомнив о высокомерных парижских официантах и принеся раздражение и облегчение в равных долях. Но со-

проводился он дружеским пожатием плеч, а тон в единственной фразе проделал путь от насмешницы до роковой женщины и обратно. Ричард еще немного втянул живот, что не осталось незамеченным.

– А вот я, напротив, хотела бы еще немного теплого молока в мой горячий шоколад. И, возможно, круассан.

– Да, сей...

Паспарту улегся в своей переноске, настраиваясь на долгий сон.

– И, пожалуйста, зовите меня Валери, Ричард. Я планирую задержаться здесь как минимум на несколько дней, и, думаю, нам ни к чему все эти формальности. Терпеть не могу церемоний. – Эти слова она адресовала чете Риззоли, которые, казалось, вцепились друг в друга еще крепче.

Ричард открыл было рот для ответа, но понял, что не знает, с чего начать, что сказать в середине и как вообще должен звучать конец. Его затуманенный винными парами разум пытался оценить ситуацию; да, она привлекательна, да, впервые за практически вечность привлекательная женщина назвала его по имени, а не «мсье» или «эй», однако меньше чем за минуту его легко и ненавязчиво заставили отступить от собственного свода правил.

– Так, теперь, значит, эти чертовы собаки? Господи Иисусе! – раздался свистящий шепот с лестницы, где на том же самом месте, что и Валери недавно, стояла мадам Таблье. Ее крахмально-белый, девственно-чистый фартук рез-

ко контрастировал с грязными словами, швабра с ведром несколько терялись в крепкой хватке ее крупных, как у мужчины, рук, к поясу был прицеплен громоздкий старомодный, годов 80-х, кассетник «уокман»⁴ с оранжевыми поролоновыми наушниками, висящими на шее. Можно было с легкостью расслышать, как Джонни Холлидей⁵ хрипло тянет очередную рок-балладу.

– Будто бы тут и без того работы не до черта, – пробурчала она достаточно громко, чтобы быть услышанной, несмотря на песнопения Джонни. – Взять хотя бы этих людей, что расшвыривают свое дерьмо повсюду. А теперь еще и собаки, да? – Она с трудом преодолела последние ступеньки лестницы и обратилась к замершей комнате. – Можно подумать, мне мало того, что приходится оттирать кровавые пятна с мокрых стен.

⁴ Walkman – популярная торговая марка компании Sony, под которой продаются ее портативные аудиоплееры. Также термин Walkman используется в качестве общего названия портативных аудиоустройств (независимо от производителя).

⁵ Французский рок-певец.

Глава вторая

– Да, понимаю, но, думаю, тут... ну, тут же не так *много* крови, правда? – неубедительно начал Ричард и обернулся, чтобы увидеть Валери и мадам Таблье, стоящих за его спиной в дверях одной из спален верхнего этажа.

Две эти женщины были максимально разными, отличающимися друг от друга всем, от внешности до образа жизни, и потому вряд ли их могло объединить хоть что-нибудь, кроме стопроцентно надуманного реалити-шоу. В данный момент тем не менее на их лицах застыло одинаковое выражение, делавшее их похожими на сестер. Выражение, в котором сомнение граничило с недоверием, подкрепленным вопросом «Тут ведь речь не о количестве крови, так?» в глазах.

С фактической точки зрения Ричард был в чем-то прав. Крови действительно было немного. Однако справа от выключателя перед ванной комнатой номера имелся очень четкий темно-красный след ладони, похожий на детский рисунок. Отпечатки пальцев были вытянуты, хоть и чуть смазаны на концах, а центр – очень четкий, до такой степени, что можно было различить линии и казалось, будто ладонь издевательски машет им со стены. Ричард сделал шаг назад, не отрывая глаз от пятна и чуть склонив голову набок, словно художественный критик, сомневающийся в знании современных трендов.

Затем издал тяжелый вздох, который должен был прозвучать пренебрежительно, даже насмешливо, словно все, безусловно, под контролем, но походил, скорее, на сдавленный всхлип. «Обычное» – таково было его определение нынешнего утра до сих пор.

– Мне это не нравится, – буркнула мадам Таблье и, чтобы подчеркнуть свое недовольство, яростно погрозила гадкому пятну шваброй.

Ричард «унаследовал» мадам Таблье, когда он и его жена Клер приобрели это дело пару лет назад. Она постоянно балансировала на грани приличий, немилосердно ругалась при постояльцах, которых в массе своей считала ненужным, зараженным микробами, пачкающим все вокруг злом. На первый взгляд казалось, она так ненавидит этот мир, что девиз «Смерть милосердная, приди за мной скорее» нужно было вышить на ее фартуке, украшенном словами *Je place le bonheur au-dessous de tout*, что в общих чертах переводилось как «Я ставлю счастье превыше всего прочего» и определенно купленным шутки ради. «Я отставила счастье вместе со всем прочим в сторону» – было бы намного ближе к правде. Но Ричарду она напоминала неукротимую Айрин Хэндл⁶, а за это он был готов простить практически все. К тому же как можно не нанять помощницей по хозяйству женщину с фамилией Таблье? «Таблье» по-французски означало «фартук», и этот своеобразный номинативный детерминизм

⁶ Британская актриса.

поддерживал Ричарда во время ссор. Она застыла, готовая к бою, вздернув швабру, вероятно на случай самообороны, если бы вдруг кровавый отпечаток спрыгнул со стены и приложился к ее тылам.

– Это довольно интересно, вы не считаете? – Валери д’Орсе заняла более спокойную и взвешенную позицию. Прочие посмотрели на нее с недоумением. – Нет, правда, – продолжила Валери, самым непринужденным образом проигнорировав их откровенный скептицизм: – Взгляните. – И она подняла свою ладонь, сравнивая ее с пятном.

– Не трогайте его! – прошипела мадам Таблье. – Это улика!

– Я и не собираюсь его трогать! – отбрила Валери тем же свистящим шепотом, не опуская руки.

– Да уж, будьте любезны, не трогайте, – последовал слегка желчный ответ.

– Глядите. – Ладонь Валери нависла над красным отпечатком на стене. – Видите?

– Теперь нет. Ваша рука все закрыла к чертям.

– Мадам Таблье, я пытаюсь показать вам размер руки...

– А какое это имеет значение?

Ричард, накопивший за свою жизнь достаточно опыта, прекрасно знал, когда лучше не вмешиваться. Чуть ранее на неделе он наткнулся на двух своих куриц, Лану Тернер⁷

⁷ Американская актриса, секс-символ 1940–1950-х годов.

и Джоан Кроуфорд⁸, сцепившихся за дохлую мышь, и тогда пришел к такому же выводу, как и сейчас: оставь их в покое – и пусть природа возьмет свое. К тому же споры на французском, а по правде сказать, и любое выражение взрывных эмоций казались ему невероятно сложными с точки зрения языка, требующими огромных усилий. Валери опустила ладонь, уперлась руками в бока и многозначительно обернулась к мадам Таблье.

– Я пытаюсь показать вам кое-что. Так что опустите свою швабру и дайте мне объяснить.

Никогда прежде он не видел, чтобы кому-нибудь удалось одержать верх над мадам Таблье, хотя следовало признать, что он не видел даже, чтобы кто-нибудь пытался. Но, может, что-то мелькнуло во взгляде Валери – с того места, где стоял Ричард, было незаметно, – а может, дело было в едва заметном изменении тона, однако старшая женщина моргнула первой и опустила швабру. Когда вопросы субординации разрешились, Валери продолжила, подняв правую руку с идеальным маникюром снова.

– В этой комнате останавливался мужчина, так?

– Да. – Ричард слегка опешил, оказавшись внезапно вовлеченным в беседу. – Мсье Граншо. Он уже останавливался у нас прежде.

– Маленького роста?

⁸ Американская актриса, в 1930-е годы по популярности соперничавшая с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо.

– Да, полагаю, так.

– Что ж, не сомневаюсь. – Она настойчиво продолжила. – Я не слишком крупная женщина, но наши руки почти одного размера.

Ричард не был уверен, есть ли тут связь с чем-либо, но Валери считала это важным, а он не собирался возражать. Мадам Таблье тем не менее проявила еще меньше уверенности и, наконец-то отставив швабру в сторону, подняла к отпечатку собственную руку: для сравнения. Рука Валери рядом с ее походила на руку ребенка.

– Мой почивший супруг, упокой Господь его душу, бывало, говорил, что такими руками я могла бы удавить целую лошадь словно курицу.

С учетом всех обстоятельств это были очень странные слова, и Ричард с Валери решили, что лучше всего их просто проигнорировать. Пусть даже ни один, ни вторая не смогли отвести глаз от мясистой, похожей на окорок конечности пожилой женщины.

– Ну, в дверь он стучал, да, – произнес Ричард. Он пытался припомнить еще что-нибудь, но старик был не особо запоминающимся, да и сам Ричард, кстати, нечасто утруждал себя болтовней с гостями. – Нет, не высокий, точно. Трудно сказать, честно говоря, он был довольно, э-э-э... – он судорожно пытался подобрать французское слово, – сутулый, – добавил он по-английски извиняющимся тоном.

– Сутулый? – Казалось, Валери сердится, причем скорее

на себя, за то, что не знает этого слова, чем на готового удариться в панику Ричарда.

– Да, ох, что же это за слово? – Он почесал затылок. – Эрм... – Он вдруг ощутил невероятное напряжение и даже нагнулся вперед, пытаясь проиллюстрировать позу. – *Courbe!* – триумфально заявил он в пол, а затем выпрямился, щелкнул пальцами и указал с видом победителя на Валери. – *Courbe!*⁹ – повторил он с облегчением. – Мсье Граншо был *courbe*.

– Ладно. – Мадам Таблье была само высокомерие. – Это мы поняли.

– Этот отпечаток о многом нам говорит, я считаю. – Валери снова взяла контроль над ситуацией в свои руки, достав откуда-то карандаш и принявшись указывать им на стену. – Здесь масса информации.

– *Dio mio!*¹⁰ – Возглас раздался у двери, в которой замер синьор Риззоли, ныне судорожно крестившийся.

– Это всего лишь детский рисунок, синьор, – выпалила Валери по-итальянски практически молниеносно, но молодой итальянец не выглядел убежденным.

– Могу я помочь вам, синьор? – громко спросил Ричард по-английски.

– *Piu caffè, per favore, piu caffè!*¹¹, – ответил тот, не отрывая

⁹ Кривой (*фр.*).

¹⁰ Боже мой (*ит.*).

¹¹ Еще кофе, пожалуйста, еще кофе (*ит.*).

взгляда от отпечатка.

– Мадам Таблье, вы не могли бы обслужить этого джентльмена, пожалуйста?

– О, так вот, значит, как, да? Я отправлюсь выполнять всю грязную работу, пока вы двое тут секретничаете. Ха! Я должна была сразу это понять. – Она промаршировала мимо сеньора Риззоли и, топая, ринулась вниз по лестнице.

– И вот они, мои баллы на «ТрипЭдвайзере»¹², – мрачно пробормотал Ричард, когда встревоженный итальянец отправился вслед за ней.

– Что?

– Ничего. Что вы имели в виду под «информацией»? Информацией о чем?

– О том, кто такой этот джентльмен, – сказала Валери так, словно это было самой очевидной вещью в мире. – Взгляните. – Она снова подняла карандаш. – Вот линия жизни, а вот линия поменьше, параллельная ей, видите? – Ричард кивнул. – Основная линия жизни прямая, она указывает на силу и энергичность, а меньшая линия это подтверждает. Похоже, ваш мсье Граншо весьма устойчив к болезням. А вот у основания линии жизни, здесь, раздвоение. Это указывает на одиночку, оторванного от семьи. Он всегда был один, вы сказали? – Ричард уже перестал следить за карандашом Валери и теперь разглядывал собственные ладони. Как ни

¹² TripAdvisor – американский сайт путешествий. Дает своим пользователям возможность спланировать поездку в любую страну мира.

прикорбно, но и у него было раздвоение. – Линия ума здесь длинная и прямая, значит, он преданный человек, но и упрямый тоже. – И снова Ричард посмотрел на собственную ладонь, где линия ума была едва заметна. – Однако это интересно: здесь либо нет четкой линии сердца, либо она слилась с линией ума. Это хорошо для мужчины, означает силу, успех.

– А для женщины?

– Для женщины? Не так хорошо. Разрушительно, вредно. Вот здесь должна быть линия брака. Но ее нет. И снова: он целеустремленный человек, не заботящийся ни о браке, ни о противоположном поле – лишь о самом себе.

– Так он не был женат? – предположил Ричард.

– Нет, если, конечно, не был слишком юн, чтобы эта линия успела сформироваться. Но мы-то знаем, что это не так.

– У меня тоже нет линии брака, – печально признался Ричард; утро становилось по-настоящему отвратительным. – Только морщины. – Валери строго взглянула сначала на него, а затем на его ладонь.

– Нет, – возразила она, – у вас много линий брака, глядите: как минимум три.

– Три брака!

– Необязательно. Это может означать много браков, один брак и пару любовных историй или даже то, что у вас есть одна настоящая любовь и она в три раза сильнее того, что может испытывать один человек.

Ричард с отвращением сжал ладонь.

– Все это чертовски расплывчато, если хотите знать мое мнение!

– О да, – легкомысленно подтвердила Валери, – настоящее мумбо-юмбо. – Ему понравилось, как она произнесла «мумбо-юмбо». – Но некоторые люди верят в подобное, отчего оно становится интересным.

На верхней ступеньке лестницы с шумом возникла мадам Таблье.

– От всего этого итальянцы дали деру, – заявила она, едва отдышавшись. – Ну? Тело уже нашли?

– Тело?

Ричард встревоженно огляделся вокруг; подобная мысль, как ни странно, ему и в голову не приходила. Хотя спрятать тело здесь не представлялось возможным. Шкафа не было, только деревянная вешалка-перекладина. Кровать застелена, словно на ней и не спали, и под ней тоже определенно ничего не было. В углу стоял расписной сундук, как обычно, раскрытый, с высыпавшейся наружу лавандой. Багаж отсутствовал. На самом деле, не считая кровавого отпечатка, комната была абсолютно готова к приему нового постояльца.

– Все это очень хорошо, – заявила мадам Таблье, – но чем дольше кровь остается на стене, тем сложнее ее будет оттереть. Раз тела нет, так, может, все это лишь недоразумение, а этот тип просто смылся, не заплатив.

– Возможно и такое: порезался во время бритья. – Валери

выглядела смущенной.

– У него густая борода, – заметил Ричард, заходя в ванную. – Тут дело не в бритве. – Он принялся открывать и закрывать шкафчики под раковиной, проверяя, есть ли здесь хоть какие-нибудь следы жильца.

– Может, носом кровь пошла? – предположила мадам Таблье. – У моего покойного супруга, упокой Господь его душу, как-то кровь из носа шла с такой силой, что ванная походила на бойню.

– Он был гемофиликом?¹³ – Валери вздохнула; в ее голосе слышались отстраненность, даже разочарование, что такое перспективное приключение так банально закончилось.

– Нет, коммунистом до последнего вдоха, – последовал гордый ответ.

– Но я имела в виду...

– Или... – Ричард вышел из ванной, держа в руках небольшое ведерко с откидной крышкой, – он упал, раздавил свои очки и поэтому был в крови.

– Да, что ж, полагаю, вариантов множество.

Валери собралась уходить, но тут Ричард откинул крышку ведерка, а в нем оказались разбитые, окровавленные очки.

¹³ Человек, страдающий от плохой свертываемости крови.

Глава третья

Куры глядели на Ричарда с подозрением, склонив головы набок с синхронностью пловчих, только без приклеенных улыбок. Лана Тернер и Джоан Кроуфорд перестали драться и теперь гадали: что происходит, почему их сейчас кормят? Их никогда не кормили в это время суток. Третья в их компании, Ава Гарднер¹⁴, откладывала яйца в курятнике, громко при этом кудахча, действительно в разы громче обычного, так, будто, несмотря на почетную должность лучшей несушки, сожалела о чем-то, проходящем мимо нее.

– Значит, здесь ты предаешься размышлениям, Ричард?

Это оказалась Валери, которая неслышно, можно сказать, беззвучно возникла у него за спиной. Странно, подумалось ему, как быстро они перешли к довольно-таки близкому общению: от «мсье» и «мадам» к «Ричарду» и «Валери», от *vous* к *tu*¹⁵ – в общей сложности меньше чем за час. Чтобы преодолеть минное поле французского разговорного этикета, требовалось обычно намного больше времени. А тут все случилось прямо-таки молниеносно, причем Валери, безусловно, сама выбрала момент. Ричарду это льстило, даже странным образом приободряло его, хотя он не мог понять

¹⁴ Американская актриса и певица, одна из ярчайших звезд Голливуда 1940-х и 1950-х годов.

¹⁵ От «вы» к «ты» (*фр.*).

причину.

Конечно, вероятность совершения насилия, а возможно, даже и убийства, по предположению мадам Таблье, в какой-то степени ломала барьеры. Как в военное время, когда крайние обстоятельства заставляли решать дела быстро, не разводя церемоний. Но, если отбросить в сторону их потеплевшие отношения, *оставались* еще кровь на стене и пропавший постоялец. Ричард наслаждался тем, что его мозг обозначил как всплеск уверенности, как и только что завязавшейся дружбой с привлекательной женщиной, но в то же время переживал по поводу кровавой составляющей всего этого.

Он собирался было ответить, проявив типичный британский стоицизм и подчеркнув, что, пока он продумывает следующий шаг, жизнь должна продолжаться.

– Думаю, на твоём месте мне тоже было бы непросто со всем этим справиться, – сказала Валери без намека на жалость.

«Проклятие, она в моей голове!» – Ричард мысленно переполошился и теперь кидал зерно курам слегка резковато, за что был удостоен сердитого взгляда от Джоан Кроуфорд. – *Эта женщина – теленат!»*

– Жизнь должна продолжаться, – сказал он, – а мне просто надо было собраться с мыслями, да и моих дам следовало покормить.

Из курятника раздался резкий крик с отчетливо насмеш-

ливыми нотками, но Ричард не заметил легкой улыбки, скользнувшей по губам Валери.

– И что же ты решил? – спросила она, подыгрывая его образу скупого на слова главного героя.

– Ну... – он медленно закрыл коробку с зерном.

– Он останавливался здесь прежде, этот мсье?

– Граншо? Да.

Он обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, но она присела на корточки, собирая разбросанные зерна в раскрытую ладонь, чтобы покормить с нее куриц. Он и сам неоднократно пытался проделать это, пока не отнес эту задачу к разряду нерешаемых, а теперь с ревностью наблюдал, как Лана, Джован и встрепанная Ава приближались к чужой ладони как ни в чем не бывало.

– Этот визит был третьим, а может быть, четвертым; нужно проверить записи. – Ему не удалось скрыть раздражение.

– Так ты точно не знаешь?

Она поднялась и постучала ладонь о ладонь, стряхивая шелуху от зерна. Курицы застыли у ее ног, как послушные ученики.

– Ну, как я и сказал, лучше свериться с записями. – Ричард избегал смотреть ей в глаза.

– Но, если он бывал так часто, разве ты не успел узнать о нем хоть что-то?

– Нет, не успел.

Он хотел было добавить, что у него здесь гостиный дом,

а не тюрьма, и, честно говоря, *почему* гость приезжает – это не его собачье дело. Но передумал.

– Ну? – спросила она после недолгого молчания.

– Ну.

– Может, пойдем и взглянем на твои записи? – Она выделила последние два слова так, словно многого не ждала.

– Что, сейчас?

– Мсье... – начала она, и от этой внезапной официальности в голове у Ричарда звякнул тревожный звоночек; так бывает, когда родитель называет ребенка полным именем, и всем понятно, что ничего хорошего не последует. – У вас пропал постоялец, пожилой мужчина. Мы обнаружили кровь на стене и разбитые очки. Полагаю, нужно что-то предпринять, не так ли?

Ответа она дожидаться не стала, решительно двинувшись вперед. Плечи оставшегося позади Ричарда уныло опустились. Такого не должно было случиться. Только не с ним. Он был вполне счастлив жить, слегка отстранившись от окружающего мира, не то чтобы прячась, а просто стараясь не лезть на передний план. Запасной, актер второго плана. Однако, увидев, что его постоялица марширует прочь, даже – как он внезапно осознал – без понятия, где у него находятся записи, Ричард не мог подавить ужасное, неотвязное чувство, что Валери д'Орсе не собирается мириться с таким положением дел.

– Если хочешь, можешь подождать тут, пока я схожу за своим ноутбуком.

Валери оглядела гостиную Ричарда, впитывая малейшие детали. Ричард гордился тем, в какой чистоте и порядке им с мадам Таблье удавалось содержать гостиницу; они усердно трудились над этим, замечая каждое пятнышко на стенах и маниакально преследуя любую паутинку. Но то гостиница. В огромном хозяйском доме дела обстояли совсем по-другому. Отчетливо ощущался недостаток той преданности чистоте, что отличала мадам Таблье. Словно его собственное жилище было тщательно скрываемым, как у Дориана Грея, портретом его *chambre d'hote*¹⁶. На всех поверхностях лежали книги, в разных местах расположились с полдюжины забытых кружек, дивиди-диски без обложек и даже две пустые винные бутылки на маленьком обеденном столе. Можно было предположить, что это комната рассеянного интеллектуала, профессора, находящегося в шаге от прорыва. Но на самом деле здесь все просто кричало, что это «холостяцкая берлога», и Ричарду безо всяких веских причин вдруг стало слегка стыдно за нее. Однако Валери одарила его широкой улыбкой, устроилась за столом, немного расчистив место,

¹⁶ Гостиница (фр.).

и разместила Паспарту, которого захватила с собой из общей гостиной в неизменной переноске, на стуле подле себя. Собака осмотрела окрестности без тени одобрения.

– Я на минутку. Думаю, он где-то там, наверху. – Ричард скрылся из виду. – Я вчера допоздна смотрел фильм.

– Ясно, – откликнулась она, и Ричард настроился на неизбежный вопрос «Какой фильм?», которого, к его разочарованию, не последовало.

Он спустился обратно через несколько минут, найдя в конце концов искомый девайс на кровати, под левой подушкой, включил его, с облегчением обнаружив, что заряда достаточно, и пристроился за плечом Валери, неловко вбивая данные своего сайта.

Сайт медленно начал загружаться. Древний «макбук» Ричарда с нацарапанными карандашом на листочках записками по обе стороны от мышки шумно заурчал, постанывая, словно древний старик, поднимающийся из кресла. Впервые между ними возникло неловкое молчание. Валери сидела, неестественно выпрямившись, почти настороженно, а Ричард нервно топтался за ее спиной. Наконец сайт загрузился полностью, и Ричард успел кликнуть на страницу «Заказы» до того, как Валери, словно устав от их странного расположения, взяла дело в свои руки и принялась листать список имен.

– Дюпон, Форе, Фавро, Госсе, а, Граншо. – Она дважды кликнула по имени. – Венсан Граншо: да, он останавливался

здесь четыре раза.

– Так я и сказал, – вставил Ричард, довольный собой.

– Ты сказал, три или четыре, – тактично напомнила она. – В действительности последние четыре раза он приезжал в среду вечером. Почему?

– Это не то чтобы...

– Хочу сказать, это очень странно, нет?

– Не думаю.

– Зачем старику это делать?

– Ну...

– Какого он возраста? – Она резко обернулась к нему.

Ричард почесал затылок.

– Понятия не имею.

Она недоверчиво уставилась на него.

– Тебя действительно настолько не интересуют люди? Почему так? – добавила она мягче.

– Не то чтобы я...

– Сколько мне, по-твоему?

Мозг в его черепной коробке скорчился, словно пародируя картину «Крик» Эдварда Мунка.

– Я плохо угадываю возраст, – медленно протянул он, но тут же быстро добавил: – Но он старый, довольно сутулый, говорил мало, но, когда обращался ко мне, ему приходилось поднимать голову.

– Почему вечер среды? – Она снова повернулась к ноутбуку.

– А еще у него были трость и широкое пальто со шляпой.

В дни ярмарки, похоже, всегда холодно.

– Так четверг – ярмарочный день? – Она живо обернулась.

– Да, – подтвердил он торопливо, сам не понимая, что случайно обнаружил.

– Вот! – Внезапно она вспыхнула энтузиазмом, словно охотничья собака, напавшая на след, но внезапно огонь потух, и она покачала головой. – Но зачем?

– Возможно, у него семья в этой местности.

– Так почему бы не остановиться у них?

– Может, он их недолюбливает.

Она одарила его взглядом поверх очков, казалось, говорившим «Сейчас не время для шуток», что показалось ему несправедливым, поскольку он, вообще говоря, не шутил.

– А здесь может быть записан его домашний адрес?

– Люди не всегда сообщают такую информацию; зависит от того, каким образом они расплачиваются, – пояснил он, протянув руку над ее плечом и снова взяв под контроль тачпад, и тут же почувствовал, что Валери опять напряглась. – О, – он быстро отступил, – здесь есть домашний адрес. Никогда не рассматриваю здесь все как следует.

– А где этот Вошель? Ты знаешь?

– Чуть дальше по дороге, тоже относится к долине Фолле, – сказал Ричард, смущенно почесав подбородок. – Минутах в двадцати или около того.

– Туда ходит автобус номер шесть. – Мадам Таблье воз-

никла в дверях, и выражение ее лица возвещало о надвигающейся буре. Руки она скрестила на груди.

– Что вы имеете в виду: автобус номер шесть? Это важно? – Ричард был рад, что тут Валери проявила инициативу; судя по виду мадам Таблье, она вряд ли стала бы терпеть глупые вопросы от него.

– Это специальный рейс, – произнесла эта неординарная женщина, хоть и неохотно, как будто против воли. – Он ходит в ярмарочные дни, чтобы люди из соседних городов могли приехать посудачить.

– Или сделать покупки, – вставила Валери.

– В основном посудачить.

– Так, значит, Вошель на самом деле не так уж и далеко?

– Путь не близкий, минут двадцать пять, не меньше, я бы сказала. Одна из моих сестер переехала туда тридцать лет назад. С тех пор я ее не видела.

В устах мадам Таблье это прозвучало так, как если бы пресловутый городок располагался в Бермудском треугольнике или на другом континенте, а не в одной с ними долине.

– Но почему вы с тех пор не встречались с сестрой?

– Что, тащиться в Вошель? Я ж не Жак Кусто. Только у сплетников и болтунов на это хватает времени, а не у нас, работающих. Мы иногда пишем друг другу.

Повисла тишина, и Ричард заметил изумление на лице Валери. А вот сам нисколько не удивился. Он еще помнил, как, когда они только переехали в этот тихий уголок в долине Лу-

ары, их познакомили с соседями, переживавшими, что дочь «уезжает» от них. Они с женой пытались проявить сочувствие, пока не выяснилось, что «уезжает» она всего лишь в соседнюю деревню, не дальше трех километров отсюда. В деревне есть такие люди: любые перемены, какими бы мелкими они ни были, – всегда большое дело.

– Ну да ладно, – пожала плечами мадам Таблье. – У меня есть плохая и хорошая новости. – Она сделала паузу для пущего эффекта. – Пара итальянцев съехала. Наверное, перепугались. Сложили чемоданы и усвистели. Заплатили наличными – две сотни евро, верно? – в общем, вот они. Читайте, если не доверяете.

Она шагнула вперед и положила четыре банкноты по пятьдесят евро на клавиатуру ноутбука шикарным жестом картежника, выкладывающего победную комбинацию в покере.

– Ничего удивительного, – понуро заметил Ричард. – Кровь, насилие и тихий отпуск в деревне не слишком-то сочетаются.

Он взял деньги и протянул пятьдесят евро мадам Таблье, которая молча их приняла.

– Вот и очередной плохой отзыв.

– А хорошая новость? – вмешалась Валери.

– Так это и была хорошая, – фыркнула мадам Таблье. – Завтра убирать на комнату меньше, да еще и пятьдесят евро в кармане. Если вы считаете, что это плохая новость, то вас

слишком легко расстроить, девочка моя!

Ричард решил вмешаться, пока все не вышло из-под контроля.

– Ну а что за плохая новость тогда?

– Кто-то украл тот потекший отпечаток. Вырезал кусок обоев прямо со стены.

– Что? – Ричард был недалек от мысли, что *это* и есть хорошая новость.

– И очки тоже пропали. Странные дела творятся, если хотите знать мое мнение.

– Очки тоже пропали?

Валери решительно захлопнула ноутбук, словно приняв какое-то решение.

– Так и знала, что нам с ними чрезвычайно повезло, – сказала она, не сумев скрыть раздражение.

– Да это яснее ясного, – тут же согласилась мадам Таблье. – Знаете ли, я не одну серию «Мегрэ»¹⁷ посмотрела. – В ее исполнении это прозвучало почти как угроза.

Ричард не имел ни малейшего представления, о чем они ведут речь, поэтому хранил молчание, но постарался изобразить на лице глубокую задумчивость, так, на всякий случай.

Валери поднялась, взяла переноску с Паспарту, и они втроем: Ричард, Валери и мадам Таблье – на мгновение за-

¹⁷ Комиссар Жюль Мегрэ – герой популярной серии детективных романов и рассказов Жоржа Сименона, мудрой полицейский.

мерли в молчании.

– Ну, Ричард, и что ты планируешь с этим делать?

– Я, э-э-э, ну... – он вовсе не был уверен, что нужно что-то предпринимать теперь, когда все подсказки пропали.

– Справедливый вопрос, – буркнула мадам Таблье.

Ричард, решив, что стоицизмом он здесь не отделается, склонил голову на грудь, признавая поражение. Он понятия не имел, что «планирует с этим делать», но зато чертовски хорошо понимал, что, принимая во внимание компанию, в которой он оказался, решение, вероятно, зависит все не от него.

Глава четвертая

Если и существовала сцена, которая гарантированно появлялась бы в любом цветном голливудском фильме об ограблении 50-х годов выпуска, то такая, где главная героиня, обычно Грейс Келли, везла главного героя, обычно Кэри Гранта, в спортивной машине, на чудовищной скорости несшейся по какому-нибудь опаснейшему серпантину, обычно во Французской Ривьере. Она служила для того, чтобы показать превосходство главной героини. Пусть даже главный герой и демонстрировал признаки легкого дискомфорта, ему все же удавалось сохранить лицо. Ричард уже не впервые в жизни, к своему величайшему сожалению, вынужден был признать, что он не Кэри Грант.

– Во имя господя Всемогущего, не могла бы ты сбавить скорость?! – закричал он, и лицо его посерело, став похожим на цвет больничных простыней.

– Я еду не *так* уж быстро, – крикнула в ответ Валери, и ветер, подхватив ее слова прямо над низким стеклом, швырнул их через салон ее спортивного кабриолета прямо на уносящийся с жуткой скоростью асфальт.

Изначально Ричард предложил отвезти ее, но Валери почему-то решила, что его старая, битая жизнью малолитражка

с надписями *Les Vignes – Chambre d’hote*¹⁸ на каждой двери слишком заметна для их целей. Ричард так и не понял, почему, черт возьми, им нельзя быть заметными и как вышло, что канареечно-желтый спортивный «родстер» без крыши, с ревом взрывающий горизонт, таковым не считается. А еще он не был уверен, в чем заключаются их «цели», и его не оставляло ощущение, что ей просто захотелось покрасоваться. К своему глубочайшему смущению, он не смог понять даже то, зачем ей это.

Они оставили глубоко сомневающуюся и откровенно недовольную мадам Таблье приглядывать за гостиницей, дав строгие инструкции: никого не пускать. Хотя их следовало бы обозначить иначе: «не давать ничего вынести», – поскольку с утра Ричард успел потерять постояльца, найти кровавый отпечаток и разбитые, испачканные очки, потерять и очки, и отпечаток, лишиться еще двух постояльцев, которые, по его мнению, испугались всего произошедшего, но которые, как опасалась Валери, единственная постоялица, которую он не потерял, были не настолько безгрешны. А еще он лишился куска дорогих обоев, которые неизгладимо запятнал пресловутый отпечаток. По идее, четверги должны были проходить намного тише. Четверг – это подать пару завтраков, прогуляться по рынку, погрызть свежий багет, ухватить пару бесплатных колбасок на дегуста-

¹⁸ «Виноградники – гостиница» (фр.).

ции, а затем опрокинуть рюмочку-другую пастиса¹⁹ на площади. Вот это четверг. Никаких диких гонок, роковых женщин и крови на обоях.

Голова у него шла кругом. И дело не облегчали очевидно безрассудные, но упорные попытки Валери убить их обоих в дорожной аварии. Он снова скривился, когда она обогнала очередной нагруженный копной сена трактор на слепом повороте. Да, «упорные» оказалось подходящим словом. Валери д'Орсе была упорной, а пустое место на стене, где когда-то находился тот самый отпечаток, сделало ее еще упорнее и вызвало у нее определенное возмущение.

¹⁹ Пастис – алкогольный напиток, распространенный во Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.